

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 141.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-342-356

Откровение и открытие: случай Колумба (религиозно-культурологические аспекты географических открытий)

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В современной гуманитарной науке вопросы, связанные с географическими открытиями Нового времени остаются недостаточно изученными, хотя именно в процессе открытия новых земель раскрывается глубинная сущность современной цивилизации, ее скрытые потенциалы развития, активированные именно в ходе путешествий, расширивших представление о территории планеты. Через уникальную фигуру Х. Колумба рассматриваются уникальные концепты открытия нового в пространственном движении к неоткрытым землям. Для выяснения скрытых культурно-преобразующих потенциалов цивилизации в хронологической последовательности проанализировано поэтапное осознание Колумбом своего призвания как открывателя новых миров. Предметом анализа выступает духовная установка Колумба на открытие новых пространств мира, тем самым анализируются возможности религиозного сознания по преобразению реальности. В ходе исследовательского анализа выявляется возможность и право религиозного мировосприятия на реальное изменение устоявшихся представлений о новизне. В статье обосновывается тезис о том, что в основе стремления к открытию нового у Колумба как представителя меняющейся цивилизации лежала христианская позиция на расширение понятия новизны, получившая особый импульс в период жизни Колумба. Географические открытия Нового времени, по мнению автора, предстают как форма реализации заложенного в христианстве стремления к новому, демонстрируют потенциалы преобразования окружающей реальности, свойственные христианской системе ценностей. Представленная автором концептуальная оценка путешествий Нового времени позволяет говорить о расширении представлений о мире в традиционно христианском смысле, когда мир, предстает как многогранная тайна, которую можно, конечно, не разгадать, но увидеть величие этой тайны и ее многогранность. Иллюстративно-культурологический материал, приведенный в статье, призван аргументировать тезис о пространственной «результативности» христианства, показать, что мировидение, основанное на христианской системе ценностей, определяло порыв к открытию новых земель, к расширению границ представлений о мире.

Ключевые слова: религиозная топография, христианство и география, открытия Х. Колумба, культурология и религия

Для цитирования: Колесников С.А. 2022. Откровение и открытие: случай Колумба (религиозно-культурологические аспекты географических открытий). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(2): 342–356. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-342-356

Revelation and Discovery: The Case of Columbus (Religious and Cultural Aspects of Geographical Discoveries)

Sergey A. Kolesnikov

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia
E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Annotation. In modern humanities, issues related to geographical discoveries of Modern times remain insufficiently studied, although it is in the process of discovering new lands that the deep essence of modern civilization is revealed, its hidden development potentials activated precisely during travels that expanded the idea of the planet's territory. Through the unique figure X. Columbus examines the unique concepts of the discovery of the new in the spatial movement to the undiscovered lands. In order to clarify the hidden cultural and transformative potentials of civilization, Columbus' gradual realization of his vocation as the discoverer of new worlds is analyzed in chronological order. The subject of the analysis is Columbus' spiritual attitude to the discovery of new spaces of the world, thereby analyzing the possibilities of religious consciousness for the transformation of reality. In the course of the research analysis, the possibility and the right of religious worldview to a real change in the established ideas of novelty are revealed. The article substantiates the thesis that Columbus's desire to discover the new as a representative of a changing civilization was based on the Christian position on the expansion of the concept of novelty, which received a special impetus during the life of Columbus. Geographical discoveries of the New Time, in the author's opinion, appear as a form of realization of the aspiration for the new inherent in Christianity, demonstrate the potentials of transformation of the surrounding reality inherent in the Christian system of values. The conceptual assessment of Modern travel presented by the author allows us to talk about the expansion of ideas about the world in the traditionally Christian sense, when the world appears as a multifaceted mystery, which, of course, can not be solved, but to see the greatness of this mystery and its versatility. The illustrative and culturological material presented in the article is intended to argue the thesis about the spatial "effectiveness" of Christianity, to show that the worldview based on the Christian system of values determined the impulse to discover new lands, to expand the boundaries of ideas about the world.

Keywords: religious topography, Christianity and geography, discoveries of Columbus, cultural studies and religion

For citation: Kolesnikov S.A. 2022. Revelation and Discovery: The Case of Columbus (Religious and Cultural Aspects of Geographical Discoveries). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 342–356 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-342-356

Откровение открытия

История Великих географических открытий XVI века, кардинально изменивших картину мира, хранит немало тайн. И одна из таких тайн – а, возможно, и самая главная тайна – это само возникновение у европейского общества XVI века потребности в совершении открытий. Что же побудило португальцев, испанцев и другие народы Средиземной зоны Европы неожиданно воспламениться жаждой открытий, жаждой обретения новых земель, стремлением расширить, казалось бы, уже достаточно стабильный христианский мир?

Европейское Средневековье, из которого генетически возникало Новое время, не претендовало на расширение географических границ мира, точнее, не ощущало еще сакрального зова открытия – Открытия! – в том значении, которое вкладывали в него Б. Диаш, Х. Колумб, Васко де Гамма, Ф. Магеллан, Дж. Кабот, Г. Гудзон и многие другие мореплаватели Нового времени. Однако для того, чтобы понять причину столь разного осознания границ цивилизованного, а равнозначно для той эпохи – христианского – мира,

необходимо хотя бы в общих чертах определить, что же собой представляет понятие нового, географически нового, для зарождающегося из недр Средневековья Нового времени.

А.Я. Гуревич, сравнивая ситуацию открывания новых земель Средневековья и Нового времени, писал о специфике открывания норманнами Америки: «Даже посетив Америку и прожив несколько лет на одном из ее островов, норманны не открыли ее в том смысле, в каком открыл Америку Колумб: реальных последствий ни для американских индейцев, ни для эскимосов, ни для европейцев этот эпизод не имел» [Гуревич, 1971, 159]. Таким образом, перенося мысль известного культуролога на проблему новизны географических открытий, можно определить суть открытия как установление устойчивой связи новых пространств с миром цивилизации, то есть с миром тех ценностей, которые прошли апробацию и испытание на результативность в ходе многовековой европейской истории. И ценности эти, определяющие все своеобразие эпохи Великих географических открытий, есть ценности христианские, давшие импульс к расширению границ известного мира.

Накапливающиеся в течение Средневековья знания о новых землях, о блаженных островах, о таинственных материках, то исчезающих, то вновь обнаруживаемых территориях подспудно готовили прорыв в мировосприятии, в осознании неминуемого расширения границ известного мира. Но осуществлялся этот процесс в недрах именно христианской культуры, принявшей тезис о важности расширения границ мира Божьего. Сам процесс открытия – конечно, у разных мореплавателей по-разному, в силу их индивидуальной «религиозной виртуозности» [Вебер, 1994] – приобретал религиозный контекст служения священному делу открытия величия мира как Божьего творения.

Несомненно, Европа Нового времени не владела исключительным «патентом» на религиозный смысл географических открытий. Достаточно бросить хотя бы обзорный взгляд на динамику расширения географических знаний человечества, чтобы обнаружить устойчивый «тренд» в открытиях новых земель преимущественно теми людьми, которые стремились расширить религиозное пространство той или иной конфессии, людьми, видящими свое призвание и предназначение в миссионерском подвиге.

Так, в Азии процесс географических открытий – в частности, взаимооткрытия Индии Китаем, а Китая Индией – инициировался прежде всего буддийскими монахами. Еще в III в. до н. э. индийский правитель Ашока использовал буддийских монахов для изучения далеких стран [Магидович, 1957, с. 16]. И в дальнейшем именно монахи – будь то буддийские или христианские – шли в первых рядах открывателей новых земель. Именно буддийские миссионеры открыли гималайские области и Тибет, именно монах Фа Сянь, совершавший буддийское паломничество на рубеже IV–V в. н.э., прошел через Центральную Азию в северо-западную Индию и оставил одно из первых описаний географических открытий, которое получило название «Фо го цзи». Буддийский паломник, китаец Сюань Цзан (VII в. н. э.) открыл путь в Гиндукуш, прошел в северную Индию, о чем рассказал в «Записках о странах Запада». Буддийский монах И Цзин прошел вдоль берегов Индокитая, изучая санскрит, долгое время провел в буддийском центре в Шривиджайи...

Миссионерское служение как импульс к открытию новых земель не прервалось и в христианской традиции. Миссия, подвигающая монаха к расширению мира Божьего, к поиску новых земель, ждущих слова Божьего, стала тем руководящим принципом, согласно которому христианские миссионеры открывали новые земли. Например, по сообщению ирландского монаха Дикуйля (около 825 г.), именно ирландские монахи открыли к северу от Шотландии Фарерские острова [Хенинг, 1961], именно посланцы римского папы совершили первые путешествия к Великому Хану в Центральную Азию [Дитмар, 1989], именно монах-францисканец Гильом Рубрук в 1249 году дошел до Каракорума и поразился сосуществованием там миссий самых разных религиозных конфессий [Бейкер, 1950]. Список можно продолжить.

При этом в контексте религиозных оснований географических открытий можно обнаружить интересную особенность. Наиболее продуктивными в открытиях – именно в от-

крытиях, а не в освоении, порабощении, завоевании – новых земель оказываются те концессии, которые обретут статус мировых религий, в отличие от язычества. Общества, в которых царил культ языческих религий, как правило, не испытывали обостренного интереса к географическим открытиям, не жаждали расширения пространственных границ известного мира.

Так, одна из древнейших языческих цивилизаций Древний Египет, очевидно, не испытывала потребности в открытии новых земель, ограничиваясь тем пространством, которое простиралось вдоль плодородного Нила [Алексеев, Новокшенов, 1989]. Когда известный историк и географ Геродот попытался прояснить ситуацию с изучением истоков Нила, который являлся буквально движущей силой всей древнеегипетской цивилизации на протяжении тысячелетий, то наткнулся на отсутствие знаний в этой сфере, а главное, на отсутствие интереса к получению новых географических знаний. В своей «Истории» Геродот отмечает: «О природе Нила я не мог узнать ничего ни от жрецов, ни от кого-либо еще... что касается истоков Нила, то ни один не говорил, что знает их» [Геродот, 1972, с. 28]. Культ мертвых, являющийся основой языческих взглядов египтян, не требовал новых земель, ему было достаточно городов мертвых, где были похоронены сотни поколений, буквально уходящие в глубь истории. Потребности в открытии новых пространств, где могли бы жить живые, в Древнем Египте не было. Для языческого Египта более «органичным» было погребение прошлого, чем открытие нового. Скорее там проявлялась тенденция отрыва от земли, отказа от познания земных территорий – иллюстрацией могут служить все более стремящиеся вверх пирамиды фараонов. Как выстроить пирамиду, по которой уйдет в небеса живой бог, египтяне знали, но откуда «приходит» Нил, их не интересовало [Wilkinson, 2010].

В целом для язычества характерно преобладание пространственно-герметичного мироощущения. Взятое язычеством из магической культуры наследие страха перед всем, что находится за пределами ареала, подчиненного конкретному языческому богу или божку, оказывало влияние и на интерес, точнее на его уничтожение, к новым пространствам. Страх преодоления лимитов закольцованного пространства, видимо, и является одной из религиозных причин столь слабого развития географических познаний в Древнем мире. Доминирование в языческом темпоральном, временном, восприятии закольцованной цикличности переносилось и на топосные, пространственные мироощущения. Грани круга языческого времени трансформировались в ограничение пространства, которое бы не вызывало онтологический страх. Отработанные технологии подчинения богов и подчиненности богам могли эффективно осуществляться только в пространственных ареалах, уже апробированных поколениями предков, новые же пространства потенциально несли в себе опасность и угрозу.

Время и пространство язычества принципиально ограничивали исследовательский интерес замкнутыми границами, и все, что находилось «по ту сторону» политеистическо-сакрального хронотопа вызывало страх. Показательно, что известный культуролог и языковед Э. Бенвенист, этимологизируя индоевропейское числительное *tu* (два), установил, что оно обозначало не только число, но и понятие, соответствующее глаголу «бояться» [Бенвенист, 1974, с. 88]. Все, что являлось «вторым», непохожим, новым – пугало и настораживало.

Кроме того, языческий хаос как онтологическая основа бытия формировал пространственное мировосприятие по принципу разорванности, дискретности пространственного единства. И темпоральный, и пространственный хаос язычества не мог способствовать целостному мировосприятию, восприятию мира как единого, связанного пространства. К этому необходимо добавить, что отсутствие единой доминанты – и пространственной в том числе – в сакральном мироощущении вело язычество к невозможности выделить/отделить старое от нового. Само понятие пространственно нового –

новых земель, новых территорий, новых пространств – наталкивалось на деструктуризацию нового и старого. В политеистических религиозных системах старое могло трансформироваться в новое, и наоборот, – цикл времени-пространства мог повторяться неуклонно долго. Новое предполагает преодоление старого, ветхого – язычество было не способно на подобное преодоление.

А потому финикийцы, величайшие мореходы Древнего мира, свои путешествия совершали не для открытия новых миров, а для достижения большего комфорта в старых. Само понятие открытия для финикийцев не было важным – главным была прибыльность той или иной территории. Поэтому для них, например, не так было значимо, кто открыл острова Кипр или Крит – финикийцы или египтяне, кто первым вышел к южным берегам Балкан, они не открывали, а прежде всего колонизировали Мальту, Сардинию, Корсику. Подобное мироощущение присутствовало и у языческой Древней Греции: греки не ставили перед собой задачу открытия новых земель – они основывали колонии, принципиально не фиксируя сам факт открытия. Древнегреческий мореплаватель Пифей, которому приписывается открытие Британии (325–320 гг. до н. э.), скорее всего, шел вслед за финикийцами, стремясь к колонизации, а не открытию новых пространств. Колонизация греками черноморского побережья носила прежде всего характер освоения сравнительно небольшой территории, за пределы которой греки не стремились выйти.

Еще менее результативными в плане географических открытий оказались военные походы Александра Македонского. Характеризуя их, крупный исследователь истории географических походов И.П. Магидович писал: «В географическом отношении походы Александра оказались столь же бесплодны, как и в научно-историческом» [Магидович, 1957, с. 30]. Зачастую задачи, которые ставились перед географами, сопровождавшими войско Александра Македонского, уже были решены их предшественниками, и здесь можно увидеть процесс деградации географических знаний, возникающий из-за утраты интереса в языческом обществе к подлинным открытиям новых земель.

Римская империя немного изменила в познании мира: римляне не открывали, а «ознакомились» [Магидович, 1957, с. 32] с другими землями, которые также были открыты ранее, и римляне лишь шли по проложенному пути. «На всем азиатском материке, – пишет И.А. Магидович, – римляне не сделали никаких открытий: войны они вели только на Ближнем Востоке, со Средним Востоком торговали через ближневосточных подданных, а товары с Дальнего Востока получали через посредников [Магидович, 1957, с. 37]. Религиозной потребности в открытии новых земель не возникало, а следовательно, не было и открытий. Даже те немногочисленные экспедиции, которые предпринимались римлянами, как, например, римские походы вглубь Африки, совершенные Луцием Корнелием Бальбом на быстроходных верблюдах в 19 г. до н. э. или в I в. н. э. Септимием Флакком и Юлием Матерном, предстают скорее как военные операции, а не географические экспедиции, причем уверенности в их подлинном совершении у историков нет.

Если перейти к временам уже христианской эпохи, то язычники-вигинги могут служить примером того, как далекие путешествия не превращались в географические открытия. Для викингов, несущегося по «путям лебедей», не существовало понятие «новой земли» [Тьерри, 1937]. Тотемическое мировосприятие, уподобляющее викингов зверям, – и многочисленные атрибуты звероподобия и кораблей, и внешнего облика, и стиля поведения подтверждают этот тезис – лишало их путешествия главного признака географического открытия: фиксации территориальной новизны и соотнесенности этой новой территории с единым цивилизованным миром, миром Божьим. Неслучайно норманнский путешественник Отер (IX в. н. э.) характеризуется не как первооткрыватель северо-западного побережья Европы, а как промышленник, перед которым стояли задачи опять-таки освоения, а не открытия. Поэтому же язычники-норманны и не стали в полном значении этого слова открывателями Америки – им стал христианин Христофор Колумб.

Колумб: иной или новый?

Феномен интереса к новизне, присущий Новому времени, можно определить как духовную культуuroобразующую доминанту всей эпохи. Практически во всех сферах культуры начинается сложно объяснимый с рациональной точки зрения глобальный процесс обращения к новому, возникает неимоверная жажда открытия: в языке – Данте и Петрарка выявляют новые грани литературного совершенства; в искусстве – Микеланджело, Рафаэль и Тициан создают новое художественно-визуальное представление о человеке и мире; в науке – Коперник и Парацельс рисуют новую картину мироздания; в интеллектуальной сфере – Альберти и Мирандола формулируют новую этику и способ познания; в мореплавании – Колумб и Магеллан открывают новые пространства и земли...

Но единой составляющей процесса жажды нового становится глубокое религиозное мировосприятие, скорее даже религиозное подвижничество самых различных первооткрывателей Нового времени, конечно, уже без аскетических крайностей Средневековья. Данте, создавая «Божественную комедию», по сути открывает новое теологическое видение мира на основе религиозно-поэтического симбиоза. Петрарка получает мировую известность – лавровый венок поэтической славы! – именно благодаря своим этико-религиозным трактатам, где открывает новые пространства христианской души, способной выразить свое религиозное чувство в новых социально-культурных условиях. Парацельс достигает открытий в естественнонаучной области, полагаясь на незыблемый тезис о метафизической связи микрокосма человека с макрокосмом бытия. И даже Дж. Бруно, вопреки идеологическому мифу об его атеистичности, сжигают не за то, что он проповедовал гелиоцентрическую систему, а за слишком рьяное религиозное рвение, превращающееся в ересь (в протоколах инквизиции сохранились высказывания Бруно, требующего, чтобы его называли «сыном неба» [Michel, 1962]).

Религиозность Нового времени – глубокая, укорененная, осознанная – становится тем импульсом, который подвигал интеллектуалов и художников, ученых и путешественников к расширению границ Божественного мира. Сама потребность в новом становится и основанием и условием развития веры: отныне новизна входит неотъемлемой частью в религиозное мировосприятие, ожидание и уверенность в пришествии и раскрытии новизны, Нового, сопоставимо с уверенностью в осуществлении Божественного чуда. Собственно, открытие Нового – будь то Новый Свет или новые слова – и становилось для людей эпохи Нового времени постоянно совершавшимся чудом.

В теолого-культурологическом контексте феномена новизны совершенно «пованому» предстает взаимосвязь Средневековья и Нового времени. Причины, по которым Средневековье не реализовывало потенциал раскрытия нового, столь присущий христианскому мировидению, достаточно сложны. Хотелось бы только отметить: из граней мудрости Средневековья заключалось в том, что эта эпоха, пронизанная глубокими религиозными интуициями, еще жила свежей памятью о той псевдо-новизне, которую культивировало язычество на самых высших уровнях цивилизованности, прежде всего римской цивилизованности. Хаос, являющий себя языческому сознанию в хитросплетениях псевдо-новых комбинаций, был способен в мороке политеизма восприниматься как некая новизна, но точнее было бы охарактеризовать эти «миражи» как дурную бесконечность мозаики разорванного сознания. Христианское Средневековье с настороженностью относилось к новизне не потому, что видело в нем опасность изменений, а потому, что, напротив, строго оценивало саму значимость изменений, искало подлинную новизну и отсекало, подчас буквально выжигало, любой симулякр нового как наследие хаотического политеизма. Именно опыт Средневековья по кристаллизации новизны, опыт очищения новизны от примесей «вечного возвращения» и лег в основание того взрыва интереса к новому, который и определил всю сущность эпохи Нового времени. Без аскетического, нередко жесткого и жестокого, религиозного «фильтра», через который пропустило Средневековье

понятие новизны, трудно представить культуuroобразующий механизм всей современной европейской цивилизации.

Вместе с тем Средневековье помнило об опасности новизны, об искушении новизной, а потому стремилось отретушировать резкость Нового. И это искушение еще только предстояло пройти современникам Колумба, причем далеко не все, в том числе и сам Адмирал Моря-Океана (титул, пожалованный Колумбу), смогли в итоге выдержать это искушение. Средневековье выработало технологию предохранения религиозного сознания от опасностей нового и передало дальше эту «технологию» Новому времени. Именно это спасительное, по сути сотериологическое, наследие и помогло Новому времени преодолеть опасности, таящиеся в новизне, те опасности, которые не смогло преодолеть язычество Древнего Рима.

Новое время открывает для себя саму возможность расширения мира Божьего, мира единобожия, единого Божьего мира. Неслучайно, что столь знаковым для эпохи Великих географических открытий становится понятие концептуального масштаба – *terra firma* (лат.), т. е. твердая земля, суша. Важнейшее изменение культурной ситуации этой эпохи – это стремление открыть, обрести твердь, новые основания, новую «*terra firma*», на которой смогло бы выстроиться новое хронотопное мироощущение. Духовная твердость, накопленная Средневековьем, требовала реального воплощения в конкретику пространства и времени. И обретение новой тверди пришло вместе с открытием Колумба.

Новое время с удивлением открыло, что человеческие знания о мире, в частности, о пространстве – необычайно малы (тот самый тезис *El mundo es pequeño*, взятый в качестве эпиграфа). Для Средневековья количество внешнего знания, знания о внешнем мире было достаточным. В этот многовековой период потребности в расширении знаний о мире не возникало – возможно, потому, что средневековый вектор познания был обращен внутрь человека, в глубины религиозного сознания. Именно это погружение в религиозный мир внутреннего, душевного и духовного представало важнейшей целью и раннего, и позднего Средневековья. Но уже возникновение схоластики как формализации внутреннего познания сигнализировало об определенной исчерпанности на том этапе внутренних «экспедиций» и требовало уже качественно новой познавательной информации, которая реализовалась в формате внешних географических путешествий. Внутренний мир человека, досконально изученный Средневековьем с использованием методики Священного Писания и Священного Предания, расширился в результате этого изучения и потребовал нового объекта исследования: внешнего мира.

Колумбу как раз и была предуготовлена роль одного из первых успешных экспериментаторов по переходу от открытий твердынь духа к открытию новым земных твердынь. Здесь мы подходим к одному из самых сложных вопросов в понимании изначального импульса, приведшего к наступлению эпохи Нового времени. Вопрос формулируется следующим образом: можно ли считать Колумба первооткрывателем, если он сам на протяжении всей жизни не считал себя таковым, настаивая на том, что он не открывал новый мир, а дошел с иной стороны к миру известному, к Индии, по сути предложил увидеть с иной стороны мир, уже открытый и давно находящийся в продуктивных контактах с цивилизованным миром, с единым миром Божьим, миром, четко вписывающимся в парадигму абсолютного соответствия топографическим представлениям Библии и Священного Предания?

Ведь для человека на заре Нового времени, еще живущего опытом и опасениями Средневековья, неизвестное новое, не укорененное в освященной веками богословско-догматической защите, скорее представляло опасность, опасность духовного свойства, чем желательное приобретение. Что несло с собой новая земля, новая *terra firma*, о которой не говорили Библия и святые отцы, почему об этом новом пространстве не упомянуто в Ветхом и Новом Заветах, почему об этой новизне умолчали авторы Священного Предания? Сложность этих вопросов для глубоко верующего человека того времени, каким был

Христофор Колумб, видимо, и определили ту иллюзорную позицию, которой придерживался всю жизнь Адмирал Моря-Океана. Мы увидим, что иллюзии для Колумба играли знаковую, подчас провиденциальную роль, и он сам будет умело использовать иллюзорность для достижения своих целей. Однако оказаться на переломе эпох, взять на себя ответственность за вторжение нового, тотально нового, ответственность за последствия этого вторжения в привычный мир Божий, Колумб не считал возможным, а, может быть, и допустимым для себя.

Он, находясь в культурной ситуации своего времени, не мог согласиться с недосказанностью, а в итоге с признанием кажущейся ущербности Писания и Предания в географических описаниях мира. Авторитет этих оснований христианского учения был для Колумба незыблем, но тем не менее в его путешествии мы склонны видеть прежде всего открытие нового, хотя, конечно, само понятие нового не похоже на современное истолкование этого феномена в нашем секуляризованном обществе. Новизна, открываемая Колумбом, – это религиозно осмысленная новизна, самым кратким определением которой является понятие тайны.

Один из культурных концептов, который передало Средневековье Новому времени, – это неизбежность потаенности в структуре бытия. Таинственность мира Божьего, таинственность Промысла Божьего, являющая себя в церковных Таинствах, определяли сакральную специфику новизны для времени Колумба. Тайна океанов, материков, островов, в целом новых пространств являлась тайной для человека, но не для Бога. А потому человек, открывающий новое, т. е. тот человек, которым являлся Колумб, одновременно общался к уже известному, но только утаенному до определенных «годин». И, видимо, для Колумба была ближе позиция, которая сближала его с чувством приобщенности к раскрываемой тайне, нежели с позицией открытия чего-то совершенно неведомого, своеобразная «апофатическая» география. Колумб являет один из первых парадоксов человеческого мироощущения Нового времени – он одновременно и открывает новое, и расширяет старое, тем самым, на практике географических путешествий реализуя основополагающий принцип христианского богословия: единосущия. Единосущие Сына и Отца, Духа и Девы, человека и Бога, Тайны и Откровения как раз и позволяет хотя бы приблизиться к пониманию мироощущения раннего Нового времени, которое одновременно открывало новые материки и в то же время отказывалось видеть в них абсолютно новые земли.

Само величие таинственности, впитанное Колумбом из опыта всей религиозной культуры своего времени, толкало его из узких обжитых пространств к расширению границ известного мира. Внутренние моря Средиземноморья «стали тесны – перенасыщены отчаянными схватками» [Ирвинг, 1992, с.12], внутренние миры геновских, венецианских кварталов, испанских и португальских городов становились тесны для безграничной сакральной таинственности, лежащей в основе христианского мироощущения. Божественная потаенность не вмещалась в узкий периметр стен средневековых городов, в меркантильность подсчетов убытков и прибылей, купеческих проектов и политических интриг. Деловитость и меркантильность вытесняли тайну из привычного мира, и Колумб ощущал острейшую потребность найти место для Тайны, найти новые пространства, где могла бы жить древняя Тайна. Ведь проект перенесения Гроба Господня из Иерусалима в открытые им земли, в Новый Свет, – проект, которому он посвятил всю свою жизнь! – как раз и свидетельствует о потребности в отыскании для тайны нового пространственного местонахождения. Древняя тайна – на новом месте: такова сложная, можно сказать, богословско-географическая диалектика позиции Колумба, казалось бы, отвергавшего очевидность своего открытия. Сам Колумб четко обозначил свой мировоззренческий интерес к познанию тайны: «В раннем детстве вступил я в море и продолжаю плавать в нем и поныне, и таково призвание всякого, кто упорно желает познать тайны сего мира» [Ирвинг, 1994, с. 102].

Колумб к своему открытию двигался по морским пространствам, подобно христианским богословам, продвигающимся по пространствам человеческой души. Ощущение тесноты известного мира двигало его самого и его современников к расширению христианского мира, и как некогда святые отцы высветляли мрак души человеческой светом Христовым, так и Колумб высвечивал, просвещал мрак географического не-знания. Кресты, которые он водружал на каждой открытой территории, как раз и символизировали присоединение к свету христианства, свету древнему, предсуществующему, и вместе с тем выступали символами слияния с новым – Новым! – светом.

И в этом сложном религиозном чувстве у Колумба совмещались и ощущение открытия, и осознание себя как продолжателя традиции. В письме «католическим государям» Фердинанду и Изабелле Колумб писал о результатах своего третьего путешествия: «...Ваши высочества обрели такие земли, и их столько, что это ИНОЙ МИР (otro mundo), каковой всему христианскому люду принесет радость, а вере нашей возвеличение» [Путешествия..., 1961, с. 416]. При этом он подчеркивает – «Иной», а не новый мир. С.Э. Морисон писал по поводу этой фразы: «По чистой случайности Колумб сказал Иной Мир, а не Новый Свет, иначе лавры, которые стяжал Америго Веспуччи, были бы за ним. В самом деле, два этих выражения, в том смысле, как употребляли их Колумб и Веспуччи, и термин *Mundus Novus* Пьетро Мартира означали одно и то же: земли, доселе неведомые европейцам или не упомянутые в географии Птолемея» [Морисон, 1958, с. 98]. Однако Колумб вряд ли не придавал значения семантическим оттенкам. Скорее здесь мы видим концептуальную оценку путешественника результатов своих экспедиций: Колумб говорит о расширении представлений о мире традиционно христианском, но с иной стороны, – мир, предстающий как многогранная тайна, которую теперь, после его открытий можно, конечно, не разгадать, но увидеть величие этой тайны и ее многогранность.

Средневековье смогло укоренить в европейском сознании потребность в присутствии тайны, в проживании своей жизни, в восприятии мира как тайны. Ощущение, что тайна из окружающей реальности исчезает, изживается, оскудевает, видимо, и являлось важнейшим импульсом к поиску нового людьми, живущими в эпоху Великих географических открытий. Потребность в поиске тайны вело целые поколения путешественников через муки голода и болезни, смертельные опасности. Историк У. Фольета (1518–1581) в «Истории Генуи» (1559) говорит о том, что из двадцати, ушедших в море, возвращалось не более двух генуэзцев, т. е. не более десяти процентов. Но этот низкий «коэффициент рентабельности» не останавливал стремящихся к поиску места для тайны, пусть даже это стремление и позиционировалось как жажда обогащения. И одним из тех, кто первым пошел по пути поиска тайны, был Христофор Колумб.

Колыбель и корабль

Начало этого пути было во многом определено той религиозно-культурной атмосферой, в которой родился будущий великий путешественник. Генуя, родной город Колумба, являлся яркой иллюстрацией перенаселенности Старого света. Старый свет оказывался не только устаревающим, но и все более «затемненным»: стены городов с многовековой историей заслоняли буквально свет Божий. Французский историк Ж. Эер писал, что в 1460 году в Старой Генуе, то есть на территории, отгороженной древнейшей стеной 1 155 года, насчитывалось 4 200 домов, в среднем же в каждом доме проживало не менее 15 человек, что превышает на порядок населенность, например, современного Манхэттена.

Генуя, по образному выражению, была городом, который «жил стоя». Стремление врываться к простору, к свету, обрести этот новый свет впиталось на генетическом уровне в сознание Колумба, тем более, что перспективы – статусные и прагматические – были весьма заманчивы: большинство открывателей назначались губернаторами открытых земель.

Колумб, родившийся в 1451 году в генуэзском квартале святого Стефана у ворот святого Андрея, родившийся в один год с будущей «католической королевой» Изабеллой, которая, по выражению В. Ирвинга, являлась «ангелом-хранителем» Колумба, уже с самого детства оказывается в насыщенной религиозными идеями атмосфере. Само имя Христофор – носитель Христа – определяло во многом его первое появление в мир, фамилия Колумб, Коломбо – голубь – также несла знаковый религиозно-символический смысл. С момента рождения под сенью святого Стефана, первого, кто умер за христианскую веру, первооткрывателя христианского пожертвования, и святого Андрея, ставшего первым из учеников Христа и прошедшего по необъятным просторам Вифинии, Пропонтиды, Фракии, Македонии, Скифии, Фессалии, Эллады, – до женитьбы около 1470 года на воспитаннице доминиканского монастыря Сан туш Фелипе Мониз молодость Колумба проходила в религиозном развитии.

Но, конечно, кульминации земное предназначение Колумба достигает в его решении воплотить судьбоносную идею открытия иного пути к Индии. Показательно, что воплощение этой идеи оказывается тесно связанной именно с церковно-религиозными аспектами. Известная история с неприятием проекта Колумба португальским королем Жуаном II также может быть рассмотрена с теологической точки зрения, ведь главным оппонентом и противником предложения Колумба направить экспедицию к Индии был епископ Сеуты Диего Ортис де Касадила, который выступил против расточительства походов к новым землям [Ирвинг, 1992, с. 30]. Показательно, что положительно оценивал предложения Колумба светский чиновник дон Педро ди Менезиша, поддерживающий открытия в принципе, который был удивлен, что «епископ Сеуты, человек столь благочестивый, высказывается против дела, споспешествующего в конечном итоге распространению католической веры от полюса до полюса» [Ирвинг, 194, с. 30]. Поэтому изначально религиозный контекст планов Колумба, определяющий его стремление к новому, очевиден.

Однако чрезмерный меркантилизм в подходах португальцев, а скорее всего и двойственность их намерений лишили португальскую корону возможности открыть Новый свет первыми. Мало того, высказывается предположение, что после ознакомления с проектом Колумба епископ Сеуты предложил португальскому королю тайно отправить корабль по маршруту, предлагаемому Колумбом. Это предложение осталось не реализованным, но общая атмосфера, которая вынудила Колумба искать поддержки не в Португалии, а Испании, становится ясна. К этому можно добавить, что географические знания, обретенные Колумбом во время службы португальской короне, в частности, знания о маршрутах к Гвинее и возможных путях к Индии вокруг Африки, путях, которыми в скором времени пройдет Васко де Гамма, представляли опасность для их обладателя. Известен случай, когда «спецслужбы» короля Жана II физически устраняли тех, кому были известны указанные маршруты, а иным буквально зашивали рот железной проволокой, чтобы не допустить утечки информации.

И меркантильность, и опасность, исходящая от португальских властей, а главное – отсутствие перспективы для реализации его проекта, вытолкнули Колумба из Португалии. И тут в его жизни появляется точка на земном шаре, к которой он будет стремиться в трудных моментах своей жизни, пожалуй, не меньше, чем к берегам Индии. Таким местом стал францисканский монастырь Санта-Мария-де-ла-Рабиды, или просто Рабиды, расположенный в испанской Андалузии. История монастыря, благодаря которому стало возможным открытие Нового света Колумбом, глубоко символична. Еще в языческие времена здесь был воздвигнут храм Ваала, Рус-Ваал. Затем римляне передали языческое капище богине подземного царства и плодородия Прозерпине, а после мавританского завоевания языческий храм был превращен в мечеть. В конце XIII века на этом месте возникает францисканский монастырь, и к тому времени, когда возле него оказался Колумб, настоятелем этого монастыря являлся один из просвещеннейших людей своей эпохи Антонио де Марчене.

Положение, в котором находился Колумб, было, очевидно, критическим. Фернандо Мартина Гутьереса, современник Колумба, говорил: «Довелось мне слышать, что дон Христофор Колумб очень нуждался, и монахи Рабиды дали ему пищу» [Coleccion, v. 2, p. VIII]. А исследователь биографии Колумба Я. Свет приводит высказывание папского легата Алессандро Джеральдини, который отмечал, что Колумб жил в крайней нищете и прибыл в «один из монастырей Бетики [Андалузии] истомленный и униженный, нуждаясь в хлебе насущном» [Ballesteros, v. IV, 1945, p. 505]. Сохранилось предание о том, что Колумб вместе со своим маленьким сыном подошел к воротам монастыря и попросил хлеба и воды для мальчика. Когда отец и сын вкушали у стен монастыря дарованную пищу, к ним подошел настоятель, и состоялась эта знаковая для мировой истории встреча.

Именно францисканский монах, настоятель монастыря Антонио де Марчене сыграл, можно сказать, ведущую роль в открытии Нового Света.

Знаковый эпизод: Колумб открывает Антонио де Марчене свои замыслы отправиться на поиски пути к Индии на исповеди. Исповедальный контекст планов Колумба ясно показывает, что для него данный проект имел сакральный характер, заветный характер, проект, который настолько важен, что превращается даже в исповедь. После того, как настоятель монастыря Рабида услышал не просто изложение, а исповедание проекта Колумба, он увидел в этой исповеди всю грандиозность замысла, и, очевидно, стал одним из первых людей, кто по-настоящему поверил в Колумба и его идею. Сам Колумб так охарактеризовал роль этого монаха: «После Предвечного Господа ни у кого я не получал такой поддержки, как у брата Антонио де Марчены... все насмеялись надо мной, кроме этого человека» [Manzano, 1964, p. 31]. Настоятель монастыря Рабида знакомит Колумба с Фернандо де Талаверой, также являющемся настоятелем монастыря Прадо, но главное, духовником королевы Изабеллы. Так перед Колумбом открывается дорога к престолу Испании, а затем и к берегам Нового Света. И человеком, который по сути открыл эту дорогу, являлся францисканский монах Антонио де Марчене.

Еще на одной историко-культурной особенности хотелось бы заострить внимание при разговоре о религиозных основаниях будущих открытий Колумба. Сама религиозная атмосфера, царящая в Испании этого времени, отличалась необычайно высоким уровнем религиозного порыва, иницирующего ту самую жажду нового. «Испания, – писал В. Ирвинг, – в своем религиозном рвении превзошла все христианские страны» [Ирвинг, 1994, с. 42]. И это рвение было вознаграждено: именно Испания открывает Новый Свет. Религиозная и одновременно геополитическая задача по созданию идеала христианского государства, которую ставили перед собой «католические государи» – Фердинанд и Изабелла, – во многом определила географическую задачу Колумба. И как «католические величества» достигли своей цели, так и Колумб достиг своей.

Перед испанским королем Фердинандом и его супругой королевой Изабеллой самыми важными являлись, с их точки зрения, задачи, имеющие религиозно-политический контекст: покорение мавров и введение инквизиции. Для своего времени эти задачи воспринимались подвигом веры, ведь неслучайно именно за осуществление этих задач королю Фердинанду и королеве Изабелле было присвоено папой Иннокентием VII то самое звание «католических величеств», т. е. государей, в полной мере исполняющих, по мнению Римской церкви, волю Божью. И только такие государи могли увидеть в проекте Колумба прежде всего религиозную сторону, услышать сакральный зов иных пространств, ждущих слова Христа.

И король, и королева были необычными монархами. Это были странствующие монархи, подобно странствующим монахам, постоянно перемещающиеся по пространству своих владений. Историки, например, подсчитали, что «с апреля по ноябрь 1486 года королевская чета побывала в 42 городах Кастилии» [Свет, 1974, с. 67]. Их двор был «кочу-

ющим табором» (Я. Свет), и стремление католических величеств покорять пространство роднило их с Колумбом. При этом необходимо помнить: Фердинанд и Изабелла видели свое призвание в расширении и упрочении именно христианского мира, а не исключительно своих собственных монархий. Созвучие религиозно-мировоззренческих позиций и есть одно из главных условий в конце концов положительного решения испанских монархов в пользу проекта Колумба.

История этого решения известна: Колумб, благодаря посредничеству настоятеля монастыря Рабида, оказался представленным одному из самых высокопоставленных лиц католической церкви в Испании – Педро Гонсалесу де Мендосе, архиепископу толедскому и великому кардиналу Испании, который положительно оценил идеи Колумба. В отличие от португальских князей церкви испанские иерархи церкви увидели в проекте Колумба его достоинства, и разглядеть их помогла все та же атмосфера религиозного рвения, царившая в Испании. При этом опять-таки мы встречаем теологический контекст восприятия географических идей Колумба: первоначальное впечатление, которое произвел Колумб на де Мендосу, было негативным, Колумб поразил его своими, как казалось, еретическими воззрениями, отличающимися от географических описаний Библии. Однако «затем убедился в правоте Колумба... он рассудил, что в попытках расширить границы человеческого знания и исследовать плоды творения нет ничего противного религии» [Ирвинг, 1994, с. 41]. Таким образом, изначально теория Колумба получила религиозное и теологическое истолкование, что накладывает особый отпечаток на все дальнейшие перипетии его путешествий.

В истории открытия Нового света наступает еще один знаковый момент, который также неразрывно связан с христианским монастырем. Речь идет о знаменитом диспуте в Саламанке в монастыре Святого Стефана, святого, чье имя носил родной квартал Колумба в Генуе. Целью этой дискуссии было определение реалистичности проекта Колумба и выработка практических рекомендаций по организации экспедиции. Необходимо подчеркнуть, что важнейшей особенностью диспута в Саламанке являлся его преимущественно теологический характер. Оппоненты Колумба стремились перевести дискуссию в богословский формат, обращаясь к цитированию Библии, к авторитету святых отцов, Священного Предания, с целью доказать принципиальную невозможность подобного путешествия. Аргументы, с современной точки зрения, конечно, были абсурдны: наличие удаленных земель и народов предполагает отказ от признания Адама в качестве прародителя всего человечества; небеса, простирающиеся, как кожаный занавес, не дадут возможности преодолеть столь значительные расстояния; земля освещена небесами только с северной стороны, а в южном полушарии солнца нет; ставился вопрос об антиподах, которые якобы должны ходить вверх пятками... Перечень подобных «контр-аргументов» можно продолжить.

Колумб старался преодолеть недоверие саламанкских богословов путем доказательств и теологического, и географического характера. Но известно, что решение на диспуте в Саламанке оказалось не в пользу Колумбу. Однако здесь возникает интересная деталь: в традициях богословских споров, которые формировались на протяжении столетий, яркой чертой являлась их принципиальная незавершенность. Сами теологические рассуждения, рассуждения о Боге, о величии мира Божьего в силу сложности этого вопроса предполагали потенциальную открытость решений, избегали однозначных и окончательных выводов. Претензия на обладание конечной истиной оставалась за Богом, а рамки человеческого разумения могли вмещать только часть истины – на этих принципах базировалась вся мощная богословская традиция, из которой и вырос университет в Саламанке. Поэтому диспут не стал принимать резких заключений, а только высказал некое утверждение о нежелательности организации подобной экспедиции. Потенциально открытый

формат богословских решений, свойственный христианской теологии, сыграл положительную роль в дальнейшей судьбе Колумба, оставил возможность переосмыслить пути дальнейшего практического воплощения проекта.

И здесь на сторону Колумба становится еще одно весьма значимое лицо в испанских церковных кругах – монах Диего де Деса, впоследствии архиепископ Севильи. Этот человек сменил в 1498 году печально известного инквизитора Томаса Торквемаду и в преследованиях еретиков подчас даже превосходил своего сурового предшественника. Однако в отношении проекта Колумба этот жестокий инквизитор не увидел негативных причин, в том числе причин богословского характера, а потому стал одним из тех, кто продолжил, несмотря на решение в Саламанке, продвигать проект Колумба. Именно благодаря Диего де Деса Колумб получил возможность обратиться к католическим величествам с изложением своего плана экспедиции, и после достаточно длительных согласований в конце концов было принято эпохальное решение о снаряжении экспедиции под командованием Колумба.

Конечно, семилетние мытарства Колумба по бюрократическому и придворному закулисию требовали от него большой выдержки, а главное наличие высокой мотивированности, веры в свой проект. И здесь важнейшую роль сыграло опять-таки религиозное чувство Колумба: именно вера в свое сакральное предназначение, стремление выполнить заветную идею освободить Гроб Господень и впоследствии сформировавшееся желание перенести Гроб в новые земли. Именно религиозное чувство поддерживало Колумба на протяжении долгих бюрократических проволочек и отказов, причем по мере развития событий замысел Колумба обретал все более практические очертания: с целью большей конкретизации своей идеи Колумб, например, встречался во время осады города мавров Баса в 1490 г. с монахами, служившими при Гробе Господнем в Иерусалиме [Ирвинг, 1994, 50].

И религиозно-географическое рвение Колумба наконец было вознаграждено: после завоевания Гранады в 1492 году, после успешного расширения христианского мира военным путем, католические величества решают расширять христианский мир и с помощью открытия новых земель. Так, 17 апреля 1492 года было заключено соглашение между Колумбом и католическими величествами, в котором оговаривались условия экспедиции, а главное – принято решения о выделении ресурсов для отплытия Колумба. Сам Колумб предельно четко обозначил религиозный контекст поставленной перед ним географической задачи: «...Ваши высочества как католики-христиане и государи, почитающие святую христианскую веру и споспешествующие ее распространению, и как враги секты Магомета и всяческого идолопоклонства и ересей, решили отправить меня, Христофора Колумба, в указанные земли Индий, с тем, чтобы повидал я этих государей и эти народы и дознался бы о состоянии этих земель и также о том, каким образом окажется возможным обратить их в нашу веру» [Путешествие, 1971, с. 1].

И в знаменательный день 3 августа 1492 года корабли Колумба, через восемнадцать лет после рождения у будущего Адмирала Моря-Океана замысла достигнуть берегов Индии иным путем, отошли от испанских берегов на запад...

Список источников

- Алексеев Д.А., Новокшенов П.А. 1988. По следам «тайнственных путешествий». М., Мысль, 205 с.
Гуревич А.Я. 1971. Викинги: мнимые сенсации и подлинные загадки. В кн.: Сборник «Бригантина-71». М., Молодая гвардия: 153-173.
Ирвинг В. 1992. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Харьков: Око, 608 с.
Свет Я. М. 1973. Колумб. М., Молодая гвардия, 368 с.
Coleccion de los documentos ineditos relativos al descubrimiento, conquista y organisation de las antiguas posesiones espanolas de Ultramar, v.v. 1-25, Madrid, 1885-1932.

Список литературы

- Бейкер Дж. 1950. История географических открытий и исследований. М., Иностранная литература, 648 с.
- Бенвенист Э. 1974. Общая лингвистика. М., Прогресс, 448 с.
- Вебер М. 1994. Избранное. Образ общества. М., Юрист, 704 с.
- Геродот. 1972. История в девяти книгах. Л., Наука, 600 с.
- Дитмар А.Г. 1989. От Птолемея до Колумба. М., Мысль, 253 с.
- Магидович И.П. 1957. Очерки по истории географических открытий. В 5 т-х. М., ГУПИ, 382 с.
- Морисон С.Э. 1958. Христофор Колумб, мореплаватель. Перевод с англ. Н.В. Банникова. (Christopher Columbus mariner. By Samuel Eliot Morison. Boston-Toronto, 1955). М., Издательство иностранной литературы, 216 с.
- Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Пер. с исп. Я.М. Света. Под ред. И.П. Магидовича. 1961. М., Географгиз, 515 с.
- Тьерри О. 1937. Избранные сочинения. Пер. с франц. (Augustin Thierry. Oeuvres choisies). М., Соцэкгиз, 440 с.
- Хеннинг Р. 1963. Неведомые земли. В 4-х т. Пер. с нем. Л.Ф. Вольфсон и Р.З. Персиц. (Richard Henning. Terrae incognitae. Bd. I. Leiden, 1944). М., Иностранная литература, 244 с.
- Michel P.H. 1962. The Cosmology of Giordano Bruno. Paris: Hermann; London: Methuen; Ithaca, New York: Cornell University Press, Pp. 306.
- Ballesteros y Beretta A. 1945. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Historia de America y de los pueblos americanos, v.v. IV-V, Barcelona – Buenos Aires, 504 p.
- Manzano J. 1964. Cristobal Colon. Siete años decisivos, Madrid, Ediciones Cultura Hispanica, 531 p.
- Wilkinson T. 2010. The rise and fall of ancient Egypt. New York: Random House, 672 p.

References

- Bejker Dzh. 1950. Istoriya geograficheskikh otkrytij i issledovanij [The history of geographical discoveries and research]. Moscow, Publ. Inostrannaya literature, 648 p.
- Benvenist E. 1974. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. Moscow, Publ. Progress, 448 p.
- Veber M. Izbrannoe. 1994. Obraz obshchestva. [Favorites. The image of society]. Moscow, Publ. Yurist, 704 p.
- Gerodot. 1972. Istoriya v devyati knigah [History in nine books]. Leningrad, Publ. Nauka. 600 p.
- Ditmar A.G. 1989. Ot Ptolemeya do Kolumba [From Ptolemy to Columbus]. Moscow, Publ. Mysl. 253 p.
- Magidovich I.P. 1957. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij [Essays on the history of geographical discoveries]. Moscow, Publ. GUPI. 382 p.
- Morison S.E. 1958. Hristofor Kolumb, moreplavatel [Christopher Columbus, navigator]. Trans. from English. N.V. Bannikov. (Cristopher Columbus mariner. By Samuel Eliot Morison. Boston-Toronto, 1955). Moscow, Publ. Izdatelstvo inostrannoj literatury. 216 p.
- Puteshestviya Hristofora Kolumba. Dnevniki, pisma, dokumenty [Travels of Christopher Columbus. Diaries, letters, documents]. Trans. from Spanish Ya.M. Sveta. Ed. I.P. Magidovich. 1961. Moscow, Publ. Geografgiz. 515 p.
- T'erri O. 1937. Izbrannye sochineniya [Selected works]. Trans. from French (Augustin Thierry. Oeuvres choisies). Moscow, Publ. Socekgiz, 440 p.
- Henning R. 1963. Nevedomye zemli [Unknown Lands]. In 4 volumes. Trans. from German. L.F. Wolfson and R.Z. Peach. (Richard Henning. Terrae incognitae. Bd. I. Leiden, 1944). Moscow, Publ. Inostrannaya literatura. 244 p.
- Michel P.H. 1962. The Cosmology of Giordano Bruno. Paris: Hermann; London: Methuen; Ithaca, New York Publ. Cornell University Press, Pp. 306.
- Ballesteros y Beretta A. 1945. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Historia de America y de los pueblos americanos [Christopher Columbus and the discovery of America. History of America and of the American peoples]. v.v. IV-V, Barcelona – Buenos Aires, 504 p.
- Manzano J. 1964. Cristobal Colon. Siete años decisivos [Christopher Columbus. Seven decisive years]. Madrid, Ediciones Cultura Hispanica, 531 p.
- Wilkinson T. 2010. The rise and fall of ancient Egypt. New York, Publ. Random House, 672 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.12.2021
Поступила после рецензирования 06.03.2022
Принята к публикации 10.06.2022

Received December 6, 2021
Revised March 6, 2022
Accepted June 10, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod, Russia